

УДК 123

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-1-55-66

К ПРОБЛЕМЕ ОЦЕНКИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И ЭВРИСТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ОСНОВНЫХ МЕТАФИЗИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ СВОБОДЫ ВОЛИ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Зима В. Н.*Московский политехнический университет**107023, г. Москва, ул. Большая Семеновская, д. 38, Российская Федерация***Аннотация.**

Целью статьи является разработка методов для решения проблемы сравнительного анализа и оценки теоретического и эвристического потенциала основных метафизических теорий свободы воли, предложенных в истории философии.

Процедура и методы исследования. Проблема ставится и получает решение в контексте традиции, согласно которой вопрос о реальности свободы воли следует рассматривать в связи решением вопроса о реальности времени и изменений.

Результаты проведенного исследования. Выявлены основные типы аргументов в пользу существования метафизической свободы воли и обоснована их актуальность для решения проблемы онтологического статуса свободы воли. Продемонстрировано существование в истории философии традиции решения вопроса о реальности свободы воли в связи с проблемой реальности времени и обосновано её теоретико-методологическое значение для достижения заявленной цели исследования. Показано, что основная трудность, с которой сталкиваются большинство теорий свободы воли, заключается в невозможности обоснования в их рамках реальности изменений в связи с особенностями используемых представлений о времени. Одновременно было указано на существование в истории философии таких теорий свободы воли, которые свободны от данной трудности.

Теоретическая и / или практическая значимость. Продемонстрировано значение категории объективного времени для сравнительного анализа и оценки основных теорий свободы воли, созданных в истории философии.

Ключевые слова: свобода воли, метафизическая свобода воли, философия сознания, объективное время, причинность, восточная патристика

TOWARDS THE ISSUE OF EVALUATING THE THEORETICAL AND HEURISTIC POTENTIAL OF THE MAIN METAPHYSICAL THEORIES OF FREE WILL IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY

V. Zima*Moscow Polytechnic University**38 Bolshaya Semenovskaya ul., Moscow 107023, Russian Federation***Abstract.**

Purpose. The aim of the article is to develop methods for solving the problem of comparative analysis and evaluation of the theoretical and heuristic potential of the main metaphysical theories of free will in the history of philosophy.

Methodology and Approach. The problem is posed and solved in the context of the tradition, according to which the problem of the reality of free will should be considered in connection with the problem of the reality of time and change.

Results. The main types of arguments in favor of the existence of metaphysical freedom of will are revealed and their relevance for solving the problem of the ontological status of freedom of will is substantiated. The author demonstrates the existence in the history of philosophy of the tradition of solving the question of the reality of free will in connection with the problem of the reality of time and substantiates its theoretical and methodological significance for achieving the stated goal of the study. It is shown that the main difficulty faced by most theories of free will is the impossibility of substantiating the reality of changes in their framework due to the peculiarities of the used ideas about time. At the same time it has been pointed out that there are theories of free will in the history of philosophy which are free from this difficulty.

Theoretical and / or Practical Value. The importance of the category of objective time for comparative analysis and evaluation of the main theories of free will created in the history of philosophy is demonstrated.

Keywords: free will, metaphysical free will, philosophy of mind, real time, causality, Greek Church Fathers

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о существовании свободы воли в качестве особой разновидности причинности [13, с. 230] (метафизической свободы воли) относится к числу фундаментальных проблем философской онтологии и, как известно, предполагает две основных точки зрения. Либо такая свобода воли существует, либо нет. Несмотря на то, что в современной философии преимущественно распространена вторая точка зрения, сравнительный анализ аргументов, которые используются сторонниками и противниками тезиса о существовании метафизической свободы воли, показывает, что в дискуссии о свободе воли точку ставить явно преждевременно. Так, исследователи, которые отрицают существование свободы воли, обычно апеллируют к следующим аргументам. Во-первых, они считают возможным руководствоваться натуралистическими и физикалистскими предпосылками и утверждают, что представление о метафизической свободе воли и субъекте в качестве её носителя утратило своё значение, поскольку несовместимо с данными предпосылками и, в частности, с тезисом о минимальной супервентности сознания (против представления о нефизической природе разума и возможности порождения им особой внеприродной причинности) и принципом детерминизма (против представления о том, что нечто

или некто вообще может рассматриваться в качестве причины в конечном счёте, то есть независимой от других причин) [12]. Во-вторых, они полагают, что традиционные аргументы в пользу существования метафизической свободы воли, основанные на дедукции свободы воли из моральной ответственности, не достигают цели, поскольку ответственность не обнаруживается как факт [11].

Сторонники существования свободы воли, в свою очередь, делают акцент на том, что существование свободы воли есть нечто само собой разумеющееся в качестве свойства сознания, которое обнаруживается уже на обыденном уровне [16, с. 8], или, по крайней мере, что её можно показать. Прежде всего они указывают на непосредственно доступные человеку факты о его внутреннем опыте, такие как наличие стремлений, желаний, *хотений*, целесообразность поступков, колебания, сощания и обдумывания при принятии решений, возможность раскаяния, нравственных переворотов [3, с. 14–19, с. 22–23; 7, с. 405–410; 9, с. 326–375].

Эти факты, по мнению исследователей, свидетельствуют о том, что разум человека и его духовная жизнь в своих источниках и проявлениях вполне автономна (то есть существует, наряду с физической, природной, особая разновидность причинности – психическая [9, с. 375]) и не может рассматриваться ни как результат внешнего,

и тем более детерминированного, воздействия, ни как нечто эпифеноменальное по природе, то есть всего лишь порождение процессов в мозге. Не ограничиваясь одним перечислением фактов, сторонники тезиса о свободе воли выдвигают дополнительно ряд аргументов. Один из них лежит в эпистемической плоскости и заключается в указании на неправомерность выведения наших психических состояний из чего-либо внешнего, природного. Наоборот, именно внутренние психические состояния (область духа) наиболее реальны, поскольку даны нам непосредственно, тогда как всякая иная реальность известна нам только через неё. Следовательно, необходимо рассматривать внутренний опыт в качестве источника таких знаний о реальности, какие не могут быть получены из опыта внешнего. Представление о свободе воли фундаментально и не может быть редуцировано к внешнему именно по этой причине. При этом психические состояния даны в такой форме – ощущений цветов, звуков, ароматов, боли и т. п. (то, что в современной философии сознания принято обозначать термином *квалиа*), – которая отсутствует в физических движениях [3, с. 44–45; 9, с. 278, с. 337–345]. Л. М. Лопатин, обращаясь к проблеме свободы воли, отмечает: «... в зелёном пятне не усматривается ни атомов, ни движения, – зато замечается нечто такое, чего в атомах нет – *зелёная окраска*» [9, с. 339]. Аналогично, идея внутреннего деятеля – носителя воли – не может быть извлечена из внешнего опыта; она известна нам непосредственно, из внутреннего опыта [3, с. 17–18]. В последнем случае можно обнаружить вполне очевидную параллель с рассуждениями, приводимыми Д. Чалмерсом в поддержку стратегии, которую он склонен оценивать как «наиболее привлекательную» из числа тех, что направлены на избежание эпифеноменализма. Эта стратегия «опирается на наблюдение о том, что физическая теория характеризует свои базовые сущности лишь *относительно*, в терминах их каузальных и иных отношений к другим сущностям» [15, с. 197–198]. В то же время

кажется разумным предположить, что эти сущности имеют ещё и внутреннюю природу, внутренние свойства, а мир не лишён субстанции. При этом единственным непосредственно знакомым нам классом нереляционных свойств являются именно феноменальные свойства. Поскольку у нас нет никакого представления о внутренних свойствах физического, остаётся предположить, что на эту роль могут претендовать именно феноменальные свойства¹ [15, с. 197–198].

Кроме того, сторонники свободы воли активно полемизируют с противниками данного тезиса, отмечая, что отрицание свободы воли, в свою очередь, приводит к трудно объяснимым парадоксам, в частности к необходимости отвечать на вопрос, как вообще оказывается возможным такого рода самообман, что наша мысль оказывает влияние на действительность в качестве мысли, если «психические явления – только извне связанные показатели какого-то другого потаённого процесса, в котором всё предопределено заранее» [9, с. 366]. С аналогичными проблемами – эпифеноменализма и ментальной каузальности, – по их мнению, сталкивается и попытка противников свободы воли объяснять появление сознания как приспосабливательной характеристики организмов в процессе эволюции, поскольку, как отмечал Л. М. Лопатин, для этого в любом случае требуется признание реальности духовной причинности [9, с. 384]. Анализируя аргументы сторонников свободы воли, к которым они прибегали сто тридцать лет назад, нетрудно заметить, что они не могут считаться устаревшими, сохраняя актуальность и по сию пору: проблемы статуса квалиа, вопросы о статусе внутренних свойств, как непосредственно

¹ Поскольку Чалмерс апеллирует к расселовскому нейтральному монизму, это лишний раз позволяет понять, что данная параллель между взглядами Лопатина и Чалмерса вполне уместна в методологическом отношении, и насколько в данном случае условным будет деление взглядов на сознание и свободу воли на «устаревшие» и «современные», особенно если их рассматривать в контексте проблемы объективной реальности.

данных, и оценке их значения для решения вопроса об онтологическом статусе ментального, проблемы эпифеноменализма и ментальной каузальности, как и вопрос о природе каузальности как таковой, по-прежнему являются наиболее острыми в современной философии сознания и полностью сохраняют своё теоретико-методологическое значение.

Другой возможный тип аргументации в пользу существования свободы воли связан с указанием на существование особого класса поступков – *моральных*, которые отличаются от тех, что *по природе*. Последние имеют необходимый характер, тогда как первые могут быть различными у одного и того же человека. Возможность такого рода контингентных действий рассматривается как указание на то, что разум, принимающий решения, должен считаться в качестве самостоятельной разновидности причинности. Эта традиция, восходящая к Аристотелю (Никомахова этика, III, 7)¹, в дальнейшем получила продолжение и развитие в работах представителей патристики и средневековых авторов².

Наконец, ещё один способ аргументации выявляется в контексте вопроса о соотношении в человеке двух сфер – телесной и собственно духовной – и связан с указанием на возможность совершения человеком поступков, в которых «чувственность побеждается духом» [2, с. 324]. Свободным, с этой точки зрения, оказывается тот, у кого ум способен действовать по собственным

энергиям, независимо от телесных претерпеваний (Плотин, VI, 8 (39), 4)³.

Нетрудно заметить, что все указанные аргументы так или иначе основаны на признании самостоятельного, сравнительно с физическим, онтологического статуса разума, причём иногда это подчёркивается специально, как, например, у Плотина⁴. Очевидно, что если бы были правы сторонники тезиса о минимальной супервертности сознания, то эти аргументы заведомо утрачивали бы своё значение. Однако принятию данного тезиса, помимо упомянутых выше, препятствует ещё одна трудность фундаментального порядка. Дело в том, что проблема существования метафизической свободы воли является типичной метафизической проблемой, то есть такой, которая предполагает рассмотрение и решение вопроса об онтологии объективной реальности, который относится к числу труднейших вопросов, и, следовательно, как справедливо отмечает Н. О. Лосский, «положительный ответ на вопрос о свободе воли может быть дан не иначе, как на основе целого определённого мировоззрения с весьма сложной системой понятий» [10, с. 8]. И если предположение о нефизической природе разума как таковое не содержит в себе противоречий постольку, поскольку само по себе ещё не претендует быть теорией объективной реальности, требующей когерентного решения в отношении существования свободы воли, а просто апеллирует к фактам, обращая внимание на то, что их значение особенно возрастает при рассмотрении их в контексте определённых трудностей эпистемического характера, то принятие натуралистических и физикалистских предпосылок в философии сознания, напротив, является заведомо метафизическим тезисом, который отнюдь не выглядит столь бесспорным и истинность которого легко поставить под сомнение с учётом современного уровня рецепции проблемы

¹ Аристотель. Сочинения в 4-х томах. М.: Мысль, 1975–1983.

² См.: Иоанн Дамаскин. Источник знания / Перевод с древнегреческого и комментарии Д.Е. Афиногенова, А.А. Бронзова, А.И. Сагарды, Н.И. Сагарды. М.: Индик, 2002. С. 226; Иоанн Златоуст, свт. Беседы на деяния апостольские. М., 1994. С. 362; Иоанн Златоуст, свт. Беседы на послание к Римлянам. М., 1994. С. 639; Немесий, еп. Эмесский. О природе человека // О человеке: сборник трактатов / пер. с греческого / сост., вступ. ст. С. Ершов. СПб.: Азбука, 2011. С. 298–299; Скот Иоанн Дунс. Избранное. Сост. и общ. ред. Г.Г. Майорова. М.: Изд-во Францисканцев, 2001. С. 443; Фома Аквинский. Сумма теологии. Пер. с лат. С.И. Еремеева, А.А. Юдина. Киев: Эльга; М.: Ника-Центр, 2005. С. 143–144.

³ Плотин. Шестая эннеада. Трактаты VI–IX / Пер. с древнегреч. и послесл. Т. Г. Сидаша. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. С. 226.

⁴ Там же, с. 228.

реальности и вопроса о статусе научных теорий в философии науки [5]. Иными словами, вопрос о свободе воли настолько сохраняет своё теоретико-методологическое значение, насколько он предполагает решение исключительно в качестве выбора между альтернативными теориями объективной реальности, с одной стороны, а современные теории, фундированные натуралистическими и физикалистскими предпосылками не могут, безусловно, считаться таковыми.

Таким образом, сторонники тезиса о свободе воли вовсе не обязаны сдавать свои позиции и отказываться от него. Это, в свою очередь, позволяет сделать вывод, что вопрос о свободе воли, как и на протяжении столетий, следует рассматривать в качестве актуальной проблемы онтологии, а взгляды мыслителей прошлых эпох актуальны настолько, насколько они получили своё обоснование в контексте тех или иных представлений об устройстве объективной реальности. Тем не менее, принятие тезиса о свободе воли сталкивается с едва ли меньшими проблемами. Главная из них – создание когерентной теории метафизической свободы воли, без которой существование свободы воли остаётся не более чем гипотезой. В истории философии различными мыслителями неоднократно предпринимались попытки предложить такую теорию. Это, в свою очередь, породило проблему, связанную с необходимостью сравнительного анализа и оценки предложенных решений. Ряд аспектов данной проблемы будут рассмотрены в настоящей статье.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И ЭВРИСТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ОСНОВНЫХ МЕТАФИЗИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ СВОБОДЫ ВОЛИ

На протяжении последних двух столетий, то есть в период, когда дискуссии между сторонниками и противниками натурализма в понимании природы ментальной реальности приобрели наиболь-

шую остроту, к данной проблеме обращались различные авторы, среди которых особого внимания заслуживают те, кто сами отстаивают тезис о свободе воли и в работах которых содержится не только критический анализ основных подходов предшественников, но и предлагаются собственные решения [2; 3; 9; 10; 14]. Эти работы представляют особый интерес в том отношении, что в них систематически формулируются вопросы и обсуждаются трудности, которые должны быть с необходимостью учтены и получить решение при создании концепции свободы воли. Помимо традиционной проблемы, связанной с противоречием между допущением свободы воли и детерминизмом, и сравнительно более «молодой» проблемы соотношения души и тела, в центре внимания исследователей, в частности, оказался вопрос о связи свободы воли и существованием времени в качестве характеристики объективной реальности. Свобода воли предполагает в качестве необходимого условия реальность времени [9, с. 377], без чего, в частности, были бы невозможны нравственные перевороты. Вопрос о реальности времени для существования свободы воли приобрёл особую остроту после И. Канта, которого исследователи считают первопроходцем в формулировке понятия свободы воли. Дело в том, что, по Канту, свобода хотя и реальна, но не в мире явлений, а только на уровне умопостигаемого характера, который сам вне времени¹; при этом Кант последовательно отрицает саму реальность времени. Таким образом, кантовское понимание свободы, как и понимание, развитое Шопенгауэром, полагая свободу в сверхвременной сфере умопостигаемого характера, практически приводит к отрицанию свободы воли [14, с. 354], что не ускользнуло от внимания исследователей и позволило сделать вывод о противоречиях в предложенных Кантом и Шопенгауэром концепциях свободы воли.

¹ Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным; прим. Ц. Г. Арзаканяна. М.: Эксмо, 2012. С. 411-429.

Примером такого противоречия у последнего, в частности, оказывается допущение коренных переворотов в душе, что предполагает изменение во времени сверхвременного умопостигаемого характера [10, с. 63–64]. Поэтому, как замечает Л. М. Лопатин, «после Канта и Шопенгауэра всякая теория свободы воли должна считаться с вопросом о времени и, для всестороннего обоснования, конечно, нуждается в онтологическом объяснении внутренней природы временных определений» [9, с. 376]. Этот тезис Лопатина, как представляется, заслуживает несомненного внимания, и его следует взять в качестве своего рода точки отсчёта при решении проблемы сравнительного анализа различных теорий свободы воли.

С вышеупомянутым тезисом Лопатина о том, что «всякая теория свободы воли должна считаться с вопросом о времени», с одной стороны, нельзя не согласиться. Вполне закономерным выглядит также и то, что он формулируется в контексте обсуждения релевантности кантовского решения вопроса о свободе воли, поскольку проблема обоснования реальности времени приобрела совершенно особое значение именно в новоевропейской философии, в которой имела место тенденция, связанная с отрицанием объективной реальности времени, причём вне зависимости от того, в каком именно контексте, кантовского ли решения вопроса, либо решения, в рамках которого всё-таки сохранялось представление о существовании длительности в качестве атрибута вещей [1, с. 11–13; 8, с. 230]. Последнее обстоятельство, в свою очередь, позволяет увидеть, что трудности в обосновании реальности свободы воли, с которыми столкнулась новоевропейская метафизика, лежат вовсе не только в области проблемы взаимодействия души и тела, как обычно принято считать. Наконец, рассмотрение вопроса о существовании свободы воли в контексте вопроса о реальности времени выглядит перспективным в теоретико-методологическом отношении по следующей причине. В отличие от утверждения о существо-

вании метафизической свободы воли, идея которой неприемлема для сторонников натурализма, представление о реальности времени, напротив, для них является чем-то само собой разумеющимся [4], причём даже несмотря на отсутствие когерентной теории времени. Однако в отсутствии такого решения утверждать, что натурализм является полноценной метафизической теорией, вряд ли вообще правомерно. Вместе с тем, можно предположить, что наличие такой теории в рамках определённой метафизической системы уже само по себе можно рассматривать в качестве важного аргумента в пользу принятия той или иной теории объективной реальности, а это, в свою очередь, позволяет пролить свет на устройство и происхождение объективной реальности и места в ней человека, то есть на наиболее важные для последнего смысложизненные вопросы. Что касается вопроса о статусе свободы воли, то, с учётом наличия связи между теорией свободы воли и теорией объективного времени, можно утверждать, что предпочтение следует отдать тому решению вопроса, которое совместимо с теорией реальности, в рамках которой получает своё решение проблема обоснования реальности времени. И наоборот. Поскольку представление о свободе воли совместимо не со всякой теорией объективного времени (в частности, под вопросом оказываются В-теории времени), а только с такой, в рамках которой получает когерентное решение проблема обоснования изменений, можно утверждать, что факты, свидетельствующие о реальности свободы воли, позволяют отдать предпочтение теориям времени с определёнными онтологическими обязательствами. В результате появляется возможность говорить не только о теоретическом потенциале той или иной концепции свободы воли, но также и о её эвристическом потенциале.

С другой стороны, поскольку не всякая теория времени и «внутренней природы временных определений» совместима с представлением о свободе воли, а только такая, в которой должны получить мета-

физическое обоснование и иметь место реальные изменения в качестве онтологического условия новизны, возникает проблема выбора теории объективного времени, совместимой с представлением о свободе воли, а равно и о теории реальности, в которой возможно существование времени, необходимого для свободы воли. Как отмечает Л. М. Лопатин, «в анализе понятий о времени возможен двоякий путь». Один из них – «построить реальность временного процесса из соображений умозрительных» [9, с. 376]. Другой, которому в данном случае при обсуждении и обосновании реальности свободы воли следует Лопатин, – «из непосредственно данного живого содержания нашего сознания показать его внутреннюю немыслимость без предположения доподлинно новых актов духа, сменяющих акты, уже совершенные» [9, с. 376], например, возможности нравственных переворотов, которую Лопатин рассматривает в качестве коренного факта человеческой природы [9, с. 373]. Такой сменой, по мнению Лопатина, «реальность времени полагается сама собою» [9, с. 377]. Тем не менее, в свете рассуждений Лопатина заслуживает особого внимания тот способ обоснования реальности времени, которому следует сам Л. М. Лопатин, поскольку использование данного способа отнюдь не решает саму проблему «внутренней природы временных определений», а лишь заостряет её. Дело в том, что в рамках развитой Лопатиным метафизической системы реальность времени получает обоснование таким способом и в такой форме, которые в принципе исключают реальность изменений в качестве фундаментальной онтологической характеристики субстанции. Время определяется Лопатиным как «аналитически необходимая форма деятельности каждой конечной субстанции и взаимодействия таких субстанций между собой» [9, с. 304–310]. Схема рассуждений, предложенная Лопатиным, выглядит следующим образом. Мир, считает Лопатин, состоит из сверхвременных центров бытия – субстанций, каковых много, и они взаимодействуют между собой. Каждый

из этих центров бытия себя утверждает, и «его самоутверждение неизбежно встречается с самоутверждением других центров» [9, с. 304–310]. Если рассматривать каждую субстанцию по отдельности, то её фундаментальной характеристикой оказывается деятельность, которая представляет собой процесс. Однако, этот процесс сам по себе не во времени, а в вечности, которая представляет собой неразделённость моментов бытия; процесс, таким образом, является всего лишь некоторым аналогом времени, но не самим временем. Последнее возникает лишь в результате взаимодействия субстанций, когда деятельность каждого существа встречает препятствия со стороны других, в силу чего между самоопределением к действию и его выполнением появляется *посредующий* акт устранения преграды, и в результате вместо нераздельных моментов бытия появляется последовательный ряд друг друга исключаящих моментов действия. В итоге реальность времени обосновывается Лопатиным таким образом, что изменения если и возможны, то лишь «тогда, когда субстанции вступили в определённые отношения между собою, и когда они, воздействуя друг на друга, испытывают различные состояния во времени», то есть на уровне явлений, в сфере необходимости, тогда как в своей основе субстанции сверхвременны [9, с. 304–310].

Таким образом, можно прийти к выводу, что Лопатину не удаётся дать метафизическое обоснование реальности изменений. Разрыв между фактами, свидетельствующими о реальности времени, аргументация в пользу которой, впрочем, сама по себе не вызывает возражений, с одной стороны, и метафизической теорией времени, в которой бы имели место изменения, с другой, так и остался у него незаполненным.

Если сравнить рассуждения Л. М. Лопатина о природе времени с рассуждениями прот. Ф. Голубинского – другого сторонника идеи реальности времени и свободы воли, взгляды которого оформились несколькими десятилетиями раньше, то между двумя авторами можно обнару-

жить существенное сходство. Голубинский понимает время как способ отношения вещей и ограничения вещей одних другими, как законы действований и развития сил. Время – это способ ограничения сил, свойство сил проявляться не вдруг в своих действиях, а одно после другого, проявляющееся в последовательных изменениях состояний [2, с. 168–175]. Хотя Голубинский не использует понятия субстанции в том виде, как Лопатин, поскольку в его онтологии базовыми элементами оказываются вещи и силы, сама идея понимания времени как формы отношения между вещами, обусловленной их внутренней самостоятельностью, приводит к одинаковому, по сути, результатам: время не является внутренним свойством субстанции, а изменения не рассматриваются как имманентное свойство самих вещей.

В целом, оценивая решения, предложенные прот. Ф. Голубинским и Л. М. Лопатиным, и анализируя причины трудностей, с которыми они столкнулись, можно утверждать, что они не выходят за рамки тех трудностей, с которыми сталкиваются практически любые теории времени, начиная с античности, поскольку они строятся на онтологической базе, в той или иной форме предполагающей приоритет эссенциального дискурса при решении ключевого для проблемы реальности времени вопроса обоснования реальности изменений. Это обусловлено тем, что изменения обычно понимаются в качестве единства тождественности и инаковости, что, в свою очередь, предполагает обращение к представлению о единичных вещах, обладающих диахронической тождественностью, в качестве базового элемента онтологии. Поскольку сущность вещей в данном случае выступает в качестве референта тождественности, то при сохранении сущности в качестве чего-то, что имманентно вещам, возникает трудность, связанная с поиском референта для инаковости [6, с. 336–340]. Использование в онтологии представлений о субстанции в том виде, как у Лопатина, либо о вещах, как их понимает Голубинский, в данном случае не вы-

ходит за рамки эссенциального дискурса со всеми его трудностями. Таким образом, именно проблема обоснования реальности изменений традиционно оказывается наиболее трудной в рамках проблемы времени, но без решения этой проблемы говорить о наличии когерентной теории свободы воли едва ли вообще возможно. Наличие подобной трудности, в принципе, достаточно уже самого по себе, чтобы всерьёз говорить о том, что речь о свободе воли изначально, видимо, не может идти там, где нет когерентной в плане решения проблемы обоснования реальности изменений теории времени и, соответственно, совместимых с данной теорией представлений об объективной реальности. Остаётся практически единственный выход – попробовать искать решение в рамках диэссенциального дискурса.

Примером такого дискурса как раз и является понимание времени, развитое в восточной патристике [6, с. 341–351]. Коренное отличие и принципиальная особенность данного подхода, сравнительно с рассмотренными выше, заключается в представлении об изменчивости (текучести естества) – в качестве фундаментальной характеристики сотворённого бытия, которая обусловлена его тварной *ex nihilo* природой, в силу чего, будучи предоставлено самому себе, оно стремилось бы по естеству вернуться в это *ничто* (Афанасий Великий. Слово на язычников, 41)¹, с одной стороны, и времени – в качестве имманентной характеристики сотворённых вещей, с другой. В связи с этим заслуживает внимания то обстоятельство, что решение проблемы обоснования свободы воли, которое имеет место в восточной патристике, напрямую связано с этими онтологическими характеристиками сотворённого бытия. В главе с характерным названием «О том, по какой причине мы произошли со свободною волею» преп. Иоанн Дамаскин в своём труде «Источник знания», повторяя рассуждения Немесия, пишет: «... вместе с разумом тотчас входит сво-

¹ Афанасий Великий, свт. Слово против язычников // Творения. Ч. 1. М., 1994. С. 125–191.

бодная воля. Ибо всё, что рождено, также и изменчиво. Ведь то, чьё возникновение берёт своё начало с превращения, по необходимости будет изменчивым... разумные существа изменяются по свободному выбору»¹. Самопроизвольность и изменчивость, таким образом, являются двумя фундаментальными характеристиками человека, обладающего разумом, а возможность свободы воли непосредственно вытекает из возможности изменений. Данный способ обоснования свободы воли имеет коренное отличие от того, который, мы видели, имеет место в рамках теории субстанции. Субстанция раз и навсегда полагает свой умопостигаемый характер и более не может изменить своего выбора. Иное дело – сотворённые вещи, в которых изменения имманентны их природе, несмотря на то, что сами вещи не являются субстанциальным источником этих изменений в подлинном смысле в качестве причины. Самовластие (и то только для человека, обладающего разумом) возможно лишь в отношении выбора направления изменений. И отнюдь не случайно, что именно в восточной патристике время приобретает такое важное значение в контексте представления о свободе воли; именно там впервые в истории философии оно рассматривается в качестве её условия, и в этом состоит его положительное онтологическое значение. Последнее, впрочем, не исключает необходимости и внимательного отношения к нему, поскольку время для человека является не только условием положительных нравственных изменений и встречи человека с Богом, но и возможности уклонения ко злу². Не в воли человека не подлежат изменениям, даже если бы он этого и захотел. Именно в этом аспекте понимание сущностной связи свободы воли и изменений в восточной патристике выражено, пожалуй, даже ещё более за-

метно. Поскольку «во всяком разумном естестве без числа бывают перемены и с каждым человеком ежечасно происходят изменения» (преп. Исаак Сирий. Слова подвижнические, 46)³, от человека требуется внимательное отношение к тому, чтобы не утратить даже и высокого нравственного состояния, если он находится в таковом, и не приписывать его себе как чего-то достигнутого и раз и навсегда данного, а, напротив, относить пребывание в данном состоянии действию благодати.

Понимание характера связи времени, изменений и свободы воли, имевшее место в восточной патристике, заслуживает внимания и ещё в одном отношении. Рассмотрение времени у Декарта, как состоящего из моментов, не связанных друг с другом причинным образом и длящихся вещей, имеющих источником своего продолжающегося существования Бога, а не предшествующий момент и не собственную субстанцию⁴, на первый взгляд близко к этому традиционному для восточной патристике пониманию природы изменений и существования вещей. Тем не менее, между двумя подходами существует принципиальное различие. В восточной патристике речь идёт именно о вещах, по природе обладающих изменчивостью. Декарт, в свою очередь, ничего не говорит о вещах в качестве субъекта изменений (что, видимо, объяснимо в том числе и тем, что в его онтологии нет места для индивидуальных субстанций, поскольку телесная субстанция одна), а делает акцент на существовании частей времени, между которыми должна быть связь. Не удивительно, что в литературе существует точка зрения, согласно которой декартовское понимание времени можно рассматривать едва ли не как основное препятствие для признания реальности свободы воли, причём практически вне зависимости от других положений его метафизики [14, с. 240–241]. Вместе с тем, насколько патристическое

¹ Иоанн Дамаскин. Источник знания / Перевод с древнегреческого и комментарии Д. Е. Афиногенова, А. А. Бронзова, А. И. Сагарды, Н. И. Сагарды. М.: Индрик, 2002. С. 227.

² Феодорит Кирский. Толкование на четырнадцать посланий святого Апостола Павла // Творения. М.: Паломник, 2003. С. 367.

³ Исаак Сирий, преп. Слова подвижнические. М.: Правило веры, 2009. С. 307.

⁴ Декарт Р. Сочинения. Изд. 2-е. СПб.: Наука, 2015. С. 198, 479, 491.

решение вопроса о связи времени, изменений и свободы воли свободно от трудностей, с которыми столкнулся Декарт, настолько это лишний раз позволяет увидеть, какое значение для решения вопроса о свободе воли имеет вопрос о реальности времени и используемый способ понимания времени, и оценить преимущества патристической концепции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведём итоги. Несмотря на то, что в пользу существования свободы воли высказано немало аргументов, в целом, анализ публикаций позволяет прийти к выводу, что до сих пор сохраняется существенное напряжение между имеющимися в истории философии попытками защищать тезис о свободе воли и претензиями на создание когерентной концепции свободы воли, с одной стороны, и мнением критиков, которые указывают на то, что эти концепции не являются удовлетворительными по тем или иным причинам, поскольку испытывают ряд трудностей в теоретико-методологическом отношении, с другой. Одной из трудностей является создание теории объективного времени, совместимой с представлением о существовании изменений в качестве необходимого условия свободы воли. Вместе с тем, нельзя не отметить специфический характер данной трудности. Дело в том, что она связана скорее не столько с отсутствием такой теории, сколько с особенностями рецепции подходов к решениям проблемы реальности времени и свободы воли, предложенных в истории философии. Речь о том, что в фокус внимания исследователей почему-то практически не попадают те подходы к решению проблем реальности времени и свободы воли, которые оформились в рамках восточной патристики. Современные исследователи (и не только они, о чём, в частности, свидетельствуют работы

прот. Ф. Голубинского и Фонсегрива), как правило, сосредотачиваются на решениях, выработанных западными авторами и представителями схоластической философии. Последнее, в частности, означает, что причина указанного положения вещей вовсе не в том, что заведомо исключаются те или иные варианты решения, например, связанные с представлениями о Боге и тварном бытии, не говоря уже о том, что проблема реальности времени сама по себе настолько сложна, что речь вообще не может идти о том, чтобы заведомо ставить её решение в зависимость от тех или иных метафизических и мировоззренческих веяний; скорее наоборот, именно когерентная теория объективного времени должна выступать в качестве своего рода эталона для проверки теории реальности на когерентность. Вместе с тем, необходимо обратить внимание, что именно решение проблем реальности времени и свободы воли в восточной патристике, в особенности учитывая, что это решение демонстрирует понимание глубокой взаимосвязи между категориями времени, изменений и свободы воли, на которую лишь сравнительно недавно обратили внимание исследователи, свободно от тех трудностей, которые присущи альтернативным подходам. Если это так, то и аргументы в пользу реальности свободы воли приобретают совершенно новое звучание, а статусность самой этой идеи значительно возрастает. Демонстрация принципиальной возможности такого решения, в свою очередь, позволяет говорить о том, что вопрос о реальности свободы воли в контексте вопроса о реальности времени, действительно может рассматриваться в качестве эффективного и практически универсального инструмента для сравнительного анализа альтернативных теорий свободы воли.

Статья поступила в редакцию 16.12.19.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-011-00751 А «Теоретико-методологические принципы решения проблемы онтологического статуса свободы воли».

ACKNOWLEDGMENTS

The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of research project no. 18-011-00751 A "Theoretical and methodological principles of solving the problem of the ontological status of free will".

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайденко П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 464 с.
2. Голубинский Ф. А. Лекции по философии и умозрительной психологии. СПб.: Тропа Троянова, 2006. 464 с.
3. Грот Н. Я. Критика понятия свободы воли в связи с понятием причинности // О свободе воли: Опыты постановки и решения вопроса / Грот Н. Я., Лопатин Л. М., Бугаев Н. В., Корсаков С. С., Токарский А. А., Астафьев П. Е. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 1–96.
4. Зима В. Н. Метафизика объективного времени в современном философском познании: проблемы и перспективы // Философия и культура. 2016. №6. С. 797–804.
5. Зима В. Н. Натуралистическая предпосылка и проблема онтологического статуса свободы воли // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. №3. С. 8–23.
6. Зима В. Н. Проблема объективности времени в философии: монография. М.: Прометей, 2019. 432 с.
7. Кудрявцев-Платонов В. Д. Начальные основания философии / [Соч.] В. Кудрявцева. 7-е изд. Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1910. 440 с.
8. Кудрявцев-Платонов В. Д. Пространство и время // Собр. соч.: в 3 т. Сергиев Посад: Братство преподоб. Сергия, 1892-1894. Т. 1. С. 210–310.
9. Лопатин Л. М. Положительные задачи философии: Закон причинной связи как основа умозрительного знания действительности. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2016. 400 с.
10. Лосский Н.О. Свобода воли. Paris: YMKA press, 19---. 180 с.
11. Секацкая М.А. Моральная ответственность без свободы воли. Аргумент в пользу натуралистической этики // Вопросы философии. 2014. №10. С. 151–161.
12. Секацкая М.А. Этические идеалы, логические ограничения и проблема свободы // Вопросы философии. 2012. №2. С. 81–91.
13. Столяров А.А. Воля // Античная философия: энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 228–233.
14. Фонсегрив Ж. Опыт о свободе воли. Пер. с фр. / Под ред. Г. В. Малеванского. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 464 с.
15. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. Пер. с англ. Изд. 2-е. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. 512 с.
16. Юлина Н.С. Очерки по современной философии сознания. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2015. 408 с.

REFERENCES

1. Gaidenko P. P. *Vremya. Dlitel'nost'. Vechnost'. Problema vremeni v evropeiskoi filosofii i nauke* [Time. Duration. Eternity. The problem of time in European philosophy and science]. Moscow, *Progress-Traditsiya Publ.*, 2006. 464 p.
2. Golubinskiy F. A. *Lektsii po filosofii i umozritel'noi psikhologii* [Lectures on Philosophy and Speculative Psychology]. St. Petersburg, *Tropa Troyanova Publ.*, 2006. 464 p.
3. Grot N. Ya. *Kritika ponyatiya svobody voli v svyazi s ponyatiem prichinnosti* [Criticism of the concept of free will in connection with the concept of causality]. In: *O svobode voli: Opyty postanovki i resheniya voprosa* [On Freedom of Will: Experience of formulation and solution of the issue] / Grot N. Ya.,

- Lopatin L. M., Bugaev N. V., Korsakov S. S., Tokarskii A. A., Astafiev P. E. Ed. 2nd. Moscow, *LENAND Publ.*, 2015. pp. 1–96.
4. Zima V. N. [Objective metaphysics of time in modern philosophy: problems and perspectives]. In: *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture], 2016, no. 6, pp. 797–804.
  5. Zima V. N. [Naturalistic presupposition and the problem of the ontological status of free will]. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 3, pp. 8–23.
  6. Zima V. N. *Problema ob "ektivnosti vremeni v filosofii: monografiya* [The Problem of the Objectivity of Time in Philosophy: A Monograph]. Moscow, *Prometei Publ.*, 2019. 432 p.
  7. Kudryavtsev-Platonov V. D. *Nachal'nye osnovaniya filosofii* [The Foundations of Philosophy] / *Sochineniya* [Works] V. Kudryavtseva. Ed. 7th. Sergiev Posad, *Tipografiya Svyato-Troitskoi Sergievoi Lavry*, 1910. 440 p.
  8. Kudryavtsev-Platonov V. D. *Prostranstvo i vremya* [Space and Time]. In: [Collected Works]: in 3 volumes. Sergiev Posad: *Bratstvo prepodobnogo Sergiya*, 1892–1894, pp. 210–310.
  9. Lopatin L. M. *Polozhitel'nye zadachi filosofii: Zakon prichinnoi svyazi kak osnova umozritel'nogo znaniya deistvitel'nosti* [Positive Tasks of Philosophy: the Law of Causation as the Basis of Speculative Knowledge of Reality]. Ed. 2nd. Moscow, *LENAND Publ.*, 2016. 400 p.
  10. Lossky N. O. *Svoboda voli* [Free Will]. Paris, *YMKA -press Publ.* 180 p.
  11. Sekatskaya M. A. [Moral responsibility without free will. The argument in favor of naturalistic ethics]. In: *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy], 2014, no. 10, pp. 151–161.
  12. Sekatskaya M. A. [Ethical ideals, logical constraints, and the problem of freedom]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2012, no. 2, pp. 81–91.
  13. Stolyarov A. A. *Volya* [Will]. In: *Antichnaya filosofiya: entsiklopedicheskii slovar'* [Ancient Philosophy: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, *Progress-Traditsiya Publ.*, 2008, pp. 228–233.
  14. Fonsegrive G. *Essai sur le libre arbitre* (Russ. ed.: translated by Malevansky G. V., *Opyt o svobode voli* [An Essay on Free Will]). Translated from French. Ed. stereotype. Moscow, *Knizhnyi dom «LIBROKOM» Publ.*, 2014. 464 p.).
  15. Chalmers D. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory* (Russ. ed.: transl. *Soznayushchii um: V poiskakh fundamental'noi teorii*. Transl. from English. Ed. 2nd. M.: *URSS, Knizhnyi dom «LIBROKOM» Publ.*, 2015. 512 p.).
  16. Yulina N. S. *Ocherki po sovremennoi filosofii soznaniya* [Essays on Contemporary Philosophy of Mind]. Moscow, *Kanon+ Publ.*, *ROOI «Reabilitatsiya» Publ.*, 2015. 408 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зима Вадим Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры «Гуманитарные дисциплины» Московского политехнического университета;
e-mail: vadim-zima@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim N. Zima – Doctor of Philosophy, professor at the Department of Humanities, Moscow Polytechnic University;
e-mail: vadim-zima@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зима В. Н. К проблеме оценки теоретического и эвристического потенциала основных метафизических теорий свободы воли в истории философии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. №1. С. 55–66.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-1-55-66

FOR CITATION

Zima V. N. Towards the Issue of Evaluating the Theoretical and Heuristic Potential of the Main Metaphysical Theories of Free Will in the History of Philosophy. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 1, pp. 55–66.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-1-55-66